

125 НОЯ 1981

ЧИТАЯ ПИСЬМА

СЛОВА ПРИЗНАНИЯ И ЛЮБВИ

Юного зрителя сегодня в наших театрах принято поругивать: и смотрит-то он на сцену не так увлеченно, как раньше, и в антрактах ведет себя слишком уж спокойно... Но давайте присмотримся к тому же зрителю в те вечера, когда сами актеры считают, что спектакль удался. Когда в театре праздник. Напряженная внутренняя работа совершается на наших глазах! И детят потом в театре письма-отзывы.

Вот с изумлением разворачиваем рулон метров в пять. У начала испанской длинной полосы забойливо нарисовано дерево с волшебным фонариком: «Литературный клуб физматшколы смотрел в ТЮЗе «Двенадцатую ночь» У. Шекспира». Смотрел, судя по всему, оповательно: в фокусе внимания ребят оказался весь спектакль: от актерских работ до постановочных приемов. Отзывы юмористический: «Мне в вашем спектакле больше всего понравились сцены. (Это в «Двенадцатой ночи!» Почему?). Я сама в пионерском лагере играла слугу, замучилась стоять в углу, спина потом болела. А у вас они находили ваяния, и внимания на себя не отвлекали, и не сидели с постылыми минами. Молодцы! Особенно один, который ребром ладони стучал. Прямо живет в этом стук!» (Это Лена Литвинова так отметила усилия Виты Зябкина).

Отзыв с затасанным коварством, с некоей подковыркой: «Я, каюсь, все думала: как-то они выйдут из положения, покажут в финале и Виолу и Себастиана? (две роли играет одна актриса). И вдруг увидела две одинаковые куклы в руках Шута. Великолепно! Тонкий переход к музыке, вера актера, особая тишина в зале... Здорово так, и я поверила в ваших кукол». (Ирина Шальнова).

«Чужие люди чужого века стали мне родными через вас. Это искусство! И пусть кто-то просто дурачится на сцене, а кто-то чего-то недотягивает. Зато главное было! Были каскады звящего юмора. Была боль человеческая, не придуманная. Да здравствует искусство, творчество и любовь!» — так востанавливает Игорь Душенко. Только обостренное сочувствие позволило шестиклассни-

це Лене Шестаковой так взрослому мудро и горько написать про драму Марии Корнелии, героини Тамары Бисеровой: «После вечера, проведенного с Филиппом Ривьером, она не сможет жить в доме отца, но не сможет и уйти оттуда...». Только влюбленность в актрису могла продиктовать Лене Литвиновой такую вот строчку про Нахаеву-Виолу: «Искрится она вся, летит, юность излучает». А вот еще несколько строк о любви. Это пишет зритель — актеру:

«Не обижайтесь на меня. Я учительница. Стремление исправлять ошибки (и не только в диктантах), воспитывать у меня в крови. И кидаясь я воспитывать особенно рьяно тех, кого люблю. У вас успела полюбить за ваш спектакль, принять в свое сердце. Вы талантливы, вы умеете работать, вы умный актер, а это самое главное. Но я увидела, что вы слишком хорошо знаете себе цену. Вы как-то полупрезрительно говорили с публикой и партнерами, не опускались до них. А как бы мне хотелось, чтобы все ваши прекрасные качества нужны нам были для работы, а не для самоутверждения».

Растет наш зритель, меняется его взгляд на то, что еще вчера принималось безоговорочно. Год назад как мы любил читать отзывы на «Милого Эпа», такими они были яркими, эмоциональными. И вот получаем недавно два письма из 127-й школы. Но — каких! Негодующих, безаппеляционных! Выказав изрядную эрудицию, основательно сопоставив повесть Г. Михасенко и его же пьесу, намекнув, что в инсценировке совершенно напрасно не использованы внутренние монологи героев, процитировав Щепкина и Станиславского об актерском труде, девочки

страстно пишут о своем неприятии главного героя спектакля: «Ни о каком внутреннем мире, душевном богатстве не может быть и речи в его трагетке». «Ну, но подходит он для Милого Эпа, и все».

Ну почему? — недоумевали мы в педагогической части. Почему? Актер способный? Безусловно. Играет? Истинно хорошо. Значит, от письма можно отмахнуться? Или за всем этим еще что-то, что, может быть, надо читать между строк: «Ни для кого не секрет, что у определенной части наших ребят представление о любви обеднено до предела, уныло, скучно, бескрыло». — «Не очень скромно это писать, но среди всех моих знакомых, среди всех мальчишек нашей школы я никого не могу назвать Милым Эпом. Вот такие пироги!»

Значит... девочки восстают в защиту любви! В иронии и юморе, пронизывающих образ на нашей сцене, видят угрозу этому чувству? Значит, юмор и ирония в данном случае «не работают», хуже — воспринимаются шестнадцатилетними как покушение на их право на откровенный и трудный разговор о первом юношеском чувстве, которое они хотели бы видеть во всей глубине и серьезности, в романтическом ореоле?

Как видим, зритель направляет театр в его репертуарных поисках, заставляет глубже задумываться над целью своего творчества.

«Как хорошо, что кто-то когда-то придумал такой театр — театр для детей. Как хорошо, что здесь у нас есть друзья, режиссеры, актеры и их герои, которые нам подскажут, помогут в трудную минуту», — написала нам Лена Ковлова. Так сами наши зрители определяют ту главную задачу, которая стоит сегодня перед театрами для детей во всей своей сложности и увлекательности.

В. ЛЕНДОВА,
зав. литературной частью ТЮЗа.